

«ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕГИОН» И ЕГО РОЛЬ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ

В статье обосновывается понятие исторического региона, показано его значение в истории внешней политики России. Освещено его значение в современных международных отношениях.

Ключевые слова: регион, исторический регион, региональная история, краеведение, краелюбие, историческое регионоведение.

Любое научно-историческое исследование имеет обязательной своей частью определение географических рамок работы. Помимо прикладного (пределы исследования) и формального (требования составления автореферата и др.) рассмотрение пространства играет далеко не второстепенное значение. В первую очередь это выражается в понимании конкретного исторического времени, а также протекающих в его рамках процессов, которые не только существуют внутри пространства, но и отчасти порождаются им. В этом отношении необходимость придания исследованию конкретных географических рамок выходит далеко за пределы только формального требования. Более того, они приобретают важное качественное значение, что прежде всего проявляется в масштабе исследования. А как следствие – в глубине раскрытия объекта исследования.

При изучении истории страны в рамках регионального подхода используются традиции как узкокраеведческого, так и крупномасштабного исследования. Объектом выступает, как правило, конкретное административное образование. Наряду с данными практиками изучения региона также целесообразно рассматривать не юридический, а исторический регион, т. е. территорию, сформировавшуюся в процессе естественного развития страны в

ходе ее исторического пути и проявляющую себя прямо или косвенно. Помимо характеристики исторического региона разбираются примеры его бытования в различных формах и на различных примерах. В первую очередь это территории Центральной России, события 1812 г., а также возвращение Крыма в состав России как естественный исторический процесс.

Чаще всего под понятием «региональная история» подразумевают краеведение¹, т. е. весьма распространенную и значимую форму общественного движения и научного поиска, построенного на междисциплинарном подходе. Насчитывая по меньшей мере полтора столетия истории, краеведение появилось в условиях активизации интереса в первую очередь самого общества к истории лично близких и дорогих людям мест (самых разнотипных территорий, поселений и их частей). Социальная природа краеведческого движения в нашей стране породила даже представление об особом праве (а порой и обязанности) жителей заниматься историей своей малой родины. Подобное отношение присутствует и в Западной Европе. Для обозначения в том числе и этого явления известный французский социолог Анри Лефевр еще в конце 1960-х годов ввел понятие «право на город»².

Краеведческий подход в значительной степени присущ природе мышления человека, механизму его миропонимания или – как сейчас более модно – ментальности. Интерес к истории края теснейшим образом связан с памятью (в том числе исторической памятью), которую академик Д.С. Лихачев определял как качество, имманентно присущее не только человеку, но и самому миру. Он же напрямую связывал память и любовь к родным местам с понятием нравственности и совести: «Совесть – это в основном память... Без памяти нет совести»³.

Говоря о времени возникновения краеведения, традиционно называют несколько весьма ярких исторических этапов. Чаще всего это вторая половина XVIII в. – эпоха Екатерины II (присоединение Крыма, интерес к античной истории Российского Причерноморья, проявление интереса к истории славян и начало моды на древность); начало XIX в. (труд Н.М. Карамзина, «эпоха 1812 года», общественный подъем, рост национального самосознания и переоценка ценностей); середина XIX в. («Великие реформы», активизация общественного движения и местное самоуправление, а также первое резкое увеличение числа краеведческих работ); начало XX в., вошедшее в историю как «золотой век» краеведения, время, когда само понятие краеведения уже как термин было закреплено в русском языке⁴, и др.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что каждый из данных эпизодов был временем зарождения краеведения. Но само краеведение (или точнее будет использовать определение, удивительно удачно сформулированное С.О. Шмитом, – «краелюбие»⁵), являясь частью национальной культуры, никуда не исчезало и не возникало заново, но вновь обретало очередной импульс для своего нового развития, оказываясь в благоприятных условиях. Его зарождение представляло собой скорее очередной пик активизации и проявлялось неоднократно.

При всем многообразии работ краеведческого направления (причем независимо от авторства, степени вовлеченности в науку и других аспектов) все эти исследования объединены общей чертой – ориентацией на конкретный исторический регион. Последний, как правило, выступает в качестве именно объекта (а не предмета) исследования. То есть изучается не регион как таковой (в качестве самостоятельного феномена, явления своего времени, им же и порожденного), а только это время – протекающие в нем события, процессы, круг лиц, охват которых механически ограничивают территориальные границы принятого за основу края (территории, поселения, дома и т. д.). Объектом чаще всего выступает административный регион. Следовательно, он имеет четкие границы, чаще всего муниципальные, реже – географические или экономические. Данная черта почти обязательна для краеведческого исследования. Именно она создает благоприятные условия для пристального личного внимания и скрупулезного анализа.

Яркие представители отечественной исторической школы охотно использовали региональный аспект применительно к своим периодам и проблемам⁶. Видели большие выгоды и перспективы, которые несет науке региональность. Писали о необходимости ее целенаправленного изучения⁷. Одним из вариантов такого изучения может стать отказ от традиционного рассмотрения процессов в рамках административного региона и переход на иной объект, в качестве которого выступает исторический регион.

Установление географических границ – обязательное условие любой научной работы по истории. Использование для этой цели административных образований предоставляет большие удобства: наличие комплексов архивных документов; реальные масштабы исследования, делающие попросту возможным его осуществление; четкие и при этом реальные исторические границы и др. В этом отношении административный регионоведческий подход становится неизбежным злом при большой практической пользе.

При этом, как показывает практика, административная сетка, несмотря на всю свою первоначальную условность, очень быстро замыкает на себя процессы управления, ведения хозяйства и др. При продолжительном сохранении некогда искусственно нарисованные границы и учрежденные города – административные центры – становятся реальными. Для России, по-видимому, это особенно актуально из-за незавершения процесса колонизации и большого значения административного фактора в жизни региона. А также особого положения города как части региона, собирающего и формирующего пространство под себя (исторический феномен русского уезда).

Сегодня вряд ли кто-нибудь из жителей восточных и южных районов Московской области вспомнит, что совсем недавно (и исторически закономерно) их территории являлись частью Владимирской и Рязанской губерний (земель). Столь же странным будет утверждение для современных уроженцев Калужской губернии, что Боровск и Малоярославец – исконные города Московского края, отторгнутые от него вопреки исторической судьбе ради достижения сугубо административных целей. Причем сделано это было исключительно механическим способом, т. е. исходя из достижения формального показателя в виде наличия определенного числа податных душ в рамках вновь формируемой губернии и уезда⁸. Впрочем, хотя «увод» первоначально подмосковных территорий от первопрестольной столицы был делом второй половины XVIII в., тесные хозяйственные и исторические связи сохранялись и давали себя знать очень долго, прослеживаясь по крайней мере до начала XX в.⁹ То же можно сказать и о Гагарине (Гжатской пристани, Гжатске) на Смоленщине.

В качестве наглядного примера устойчивости административных единиц может послужить территориальная реформа Екатерины II. Создаваемые ей новые губернии и уезды формировались властями исходя из формального «арифметического» принципа¹⁰, т. е. на основании механического соответствия числа ревизских душ утвержденным сверху нормам. Города – административные центры новых уездов – буквально выдумывались местными чиновниками исходя из имеющегося в их распоряжении материала, часто недостаточного (государственных сел, подмонастырских слобод и т. п.)¹¹.

Таким образом, созданные административные структуры изначально были не вполне устойчивы, а порой и откровенно искусственны. Однако, просуществовав до событий 1917 г., екатерининские губернии исчезли, так как пришедшие к власти больше-

вики решили создавать принципиально иную административную сеть, отличавшуюся большими масштабами, и преуспели в этом процессе. Но уже с конца 1930-х гг. вновь созданные советские области стали «разукрупняться». В итоге данного процесса вновь учреждаемые малые советские области оказались в своих границах удивительно похожими на прежние, существовавшие полтора века екатерининские губернии. Конечно же, имели место и заметные изменения. Например, вновь созданные области и их центры. В частности, Брянск и Брянская область входили до 1917 г. в состав Орловской губернии. Но их возникновение явилось прямым и закономерным результатом естественного развития территорий за последние полвека.

В итоге отмененная и забытая губернская сеть Екатерины II буквально проросла сквозь абсолютно новую административную сеть советского времени. Причем произошло это без преувеличения само собой, так как не входило в планы реформаторов.

Таким образом, со временем новые административные территории, как правило, «переваривают» свои разрозненные куски в единое целое и начинают выступать в качестве новой реальности. Становится возможным и правильным применить к ним понятия «регион» или «исторический регион» в значении реально существующего единства территории, имеющей свое лицо, отличия, характер, и, что, может быть, самое важное, воспринимаемой в этом качестве собственным населением.

Но как быть с теми периодами, когда это единение еще не было достигнуто? Как быть с часто сохраняющейся искусственностью административного деления? Насколько изучение территории и истории страны по административному принципу (всегда условному) соответствует ее реально существующей территории и истории?

Исследователи, специально занимающиеся проблемами осмысления истории в рамках региона, отмечали, что регион – явление историческое. То есть на каждом этапе существуют свои регионы, переходящие в последующее время и трансформирующиеся в процессе этого перехода. Таким образом, изучая регион необходимо рассматривать его в том числе на конкретном этапе прошлого страны, в контексте условий, в которых он существует, которые порождают его и изменяют. При этом в первую очередь речь идет не об административном регионе, наиболее используемом в научной практике. В стороне также оказываются природные или природно-(точнее ресурсно) экономические регионы, которыми оперирует экономическая география. Правильнее будет говорить именно об

историческом регионе. Хотя он включает в себя и эти формы дробления пространства.

Под историческим регионом как объектом и предметом научного исторического исследования мы предлагаем понимать следующее.

Во-первых, территорию, которая не является официальным административным регионом. Хотя со временем, по мере своего внутреннего развития («переваривания» разнородных частей) и она может выступить в качестве исторического региона. Наглядным примером этого процесса являются старые города – устойчивые, обладающие собственным лицом и исторической судьбой образования. Не случайно именно они выступают главной и наиболее продуктивной темой краеведческих исследований.

Во-вторых, исторический регион представляет собой устойчивое территориальное образование, имеющее границы. Причем они не столько четко определяют его территорию, сколько оконтуривают ее ядро. На стыке с соседними регионами эти границы неизбежно размыты, так как пространства соседних регионов проникают друг в друга. Типичным примером может служить Тверская земля, которая исторически, географически и экономически находится на стыке по крайней мере двух регионов: исторического центра России во главе с Москвой и северо-западного, ядром которого сегодня в разное время выступали Литва, Псковская и Новгородская земли. С XVIII в. и по сей день эта роль принадлежит столичному городу Санкт-Петербургу.

В-третьих, исторический регион возникает в ходе естественного и продолжительного развития страны. Он порожден особенностями ее эволюции на всем протяжении исторического пути.

К наиболее заметным факторам, порождающим регионы, необходимо отнести два. Первый – процесс расширения и освоения территории, особенности, степень и формы этого освоения, многообразные процессы внутреннего развития. Не случайно исторический регион близок к понятиям «государство» и «земля». Последнее чаще всего понимается в значении территориальной основы или исторического ядра государственного объединения, природного края, места компактного проживания народа или носителей конкретной культуры (религии).

Второй – устойчивые, как правило, непреодолимые внешние воздействия. Находясь на исторической карте весьма продолжительное время, исторический регион испытывает на себе сильное воздействие особенностей географического положения, транспортной системы, сети рек, близости естественных и официальных

границ, а также иных различные природных условий (плодородие, особенности ландшафта и т. д.).

В результате этих воздействий регион обретает свой характер (лицо) и свою историю, которая обладает определенной ценностью.

В-четвертых, признаком исторического региона является его устойчивость на протяжении значительного времени, несмотря на отсутствие четких границ и даже вопреки изменениям прежних административных территорий¹², вплоть до исчезновения государства. Проявлением данной устойчивости является присутствие региона (своего или чужого) в сознании жителей, порой неосознанно пребывающих в своих «обществах». Они нередко апеллируют к данному понятию, используют его при описании территории своей страны, воспринимают себя его частью. Последнее является для многих непреложной ценностью, вплоть до искренней гордости, или, напротив, основанием для разочарования.

Таким образом, исторический регион – это устойчивое историческое образование, возникшее в процессе развития территории государства на протяжении значительного времени. Часто не имеющее административного статуса, но обладающее достаточно четкими (хотя и размытыми) границами. Исторический регион – результат реально существующего единства территории, которая имеет свое лицо, отличия, характер, историю. Понятие «своего» и «чужого» исторического региона присутствует в сознании жителей (по крайней мере этого региона) и обладает ценностью.

Как объект и предмет исторического исследования исторический регион находится на стыке двух подходов: крупномасштабного (охватывающего целиком такую страну, как Россия, или значительную самостоятельную ее часть) и узкорегionalного (ориентирующегося на локальные, местные объекты). Можно сказать, что он занимает срединную позицию между ними, так как представляет собой средний фокус рассмотрения истории и пространства. Благодаря этому масштаб и всеобъемлемость не «съедает» региональной специфики, а исторически обусловленное многообразие разных частей страны составляет единую ее картину. Именно это позволяет видеть картину не только широко, но еще и объемно – в многообразии комплекса факторов – при понимании специфики места и времени.

Использование в исследовании исторического региона позволяет отказаться от региона только как объекта изучения. В данном случае он неизбежно будет рассматриваться и как частный региональный случай, и как предмет исторического процесса в связи с тем, что становится необходимым учитывать внешние и внутрен-

ние факторы, создающие эту территорию, формирующие ее характер и судьбу.

Россия – государство с богатой историей и пространной территорией, которая формировалась на протяжении продолжительного времени, в различных природных и исторических условиях. Это неизбежно делает ее страной различных и, что важнее, разнообразных исторических регионов. То же самое можно сказать, например, про Китай, некоторые страны Европы. Так, например, специальная работа Э. Ладюри¹³ посвящена оценке территории Франции как ряда исторических регионов (Эльзас, Лотарингия, Фландрия и др.). Для России же регион по-прежнему широко воспринимается в основном как сугубо административное понятие¹⁴. Однако исторические регионы как крупные части России, имеющие свою судьбу и отличия, присутствуют в обиходе и сознании ее граждан. Но сознание этого (если только речь не идет о Сибири) порой весьма и весьма путаное.

Для получения примера исторического региона возьмем Центральную Россию. Парадоксально, но население страны не имеет четкого представления о том, что относится к историческому центру собственной Родины. На туристических и общественных сайтах к разделу «Центральная Россия» причисляют не только Смоленск, но даже Псков¹⁵. А где-то и Санкт-Петербург. То есть территории с совершенно особой исторической судьбой и ролью, существовавшие (и существующие поныне!) в отличных от центра исторических, политических и природных условиях.

Однако четкого представления понятия «Центральная Россия» нет не только у обывателей, но и в исторической науке, даже в контексте экономико-географического понятия, которое всегда было близко марксистской исторической науке, активно разрабатывающей именно социально-экономические аспекты. В данном случае речь идет о Центральном промышленном районе. Д.О. Чураков, рассматривавший процессы, происходившие в рамках данного образования, буквально в первой строке своего исследования был вынужден оговорить отсутствие четкого представления о границах и составных частях этого регионального понятия¹⁶, которое никак не было обделено вниманием многочисленных исследователей.

Продолжая рассматривать этот вопрос, можно постараться описать границы Центральной России как исторического региона. Речь в данном случае идет о территории – историческом центре страны со своей политической судьбой, а также природными факторами, обусловившими эту судьбу и территорию края. Таким образом, присутствуют все выделенные признаки региона.

В качестве основы формирования Центральной России как исторической территории выступает Москва, являющаяся доминирующим политическим, хозяйственным и культурным центром. Главными узлами городской сети стали центры вошедших земель и активных городов-рынков. При освоении пространств сама эта небогатая земля не выступала движущей силой. Источником ее покорения и освоения являлись города. Это общая важная особенность исторического пути России. Именно города в ходе колонизации появлялись первыми и в процессе собственного развития преобразовывали окрестные пространства в свои весьма пространные «уезды» – не только подотчетные, но освоенные городом территории.

Пространства исторического центра долгое время оставались окруженными приграничными землями. На западе и северо-западе ими выступали Смоленская и Псковская земли. А также отчасти Тверская, которая (как и любая приграничная территория) растекалась среди двух граничащих регионов. На юге этим рубежом стало Дикое поле с приграничными реками-заслонами, в первую очередь Окой. Не случайно и столетия спустя южная граница Московской губернии традиционно не уходила за ее пределы.

Важным условием формирования региона являлась транспортная сеть. Речные магистрали оставались не только наиболее активно действующими, но и доминирующими вплоть до второй половины XIX в.¹⁷ В этом отношении Волго-Окское междуречье выступало не только как заметный ориентир, но в виде двух осей освоения и развития края. Не случайно все политические образования (как Древней Руси, так и Нового времени) тяготели к «своим» рекам. Губернии Екатерины II (несмотря на их первоначальную искусственность) на территории Центральной России все без исключения были нанизаны на речные магистрали Оки и Волги или непосредственно примыкали к ним. Единственным исключением является Тамбовская губерния с уездным городом Елатью, стоявшей на Оке. Но сегодня уже забыто, что передача его из приокской Рязанской земли (тогда наместничества) в состав формируемой южной «степной» и черноземной Тамбовской губернии было результатом административных амбиций всесильного, но не вполне удачного генерал-губернатора Г.Р. Воронцова¹⁸.

Таким образом, территория так называемой Центральной России целиком укладывается по течению Волги и Оки. С запада эта «воронка» заслонялась приграничным Смоленском и его землей. Хорошо известно, что это многострадальное пограничье многократно выступала форпостом и защитником Москвы – главного

объекта нападения. С востока проникновение в глубь междуречья закрывалось второй мощной крепостью – Нижним Новгородом.

Территория Центральной России достаточной пространна. В ее состав входят 9 губерний: 4 внутренних (Калужская, Московская, Владимирская, Ярославская) и 5 внешних (Тульская, Рязанская, Нижегородская, Костромская и Тверская). Причем последние занимают еще и приграничное положение с соседними историческими регионами и, как мы уже отмечали, неизбежно участвуют и в их судьбе. В свою очередь четыре внутренние губернии представляют собой ядро Центральной России, ее основную территорию, на пространстве которой и происходили главные процессы развития края.

Наряду с Центральной Россией в европейской части страны хорошо просматривается целый ряд исторических регионов. К ним можно отнести, например, Русский север¹⁹ и черноземную часть России (степная часть, «степные помещики»). Другим ярким примером исторического региона выступает так называемый Северо-Запад России, который первоначально был ориентирован на Новгород, а впоследствии стал неизбежным обрамлением новой «северной» русской столицы. По точному и остроумному замечанию географа-урбаниста Г.М. Лаппо, «основание Санкт-Петербурга... примечательно и тем, что северная столица возникла не в одиночестве, а сразу стала обзаводиться “свитой”»²⁰. В качестве ее выступали города-крепости, которые сразу «прикрыли» собой столицу – анклав и новый столичный регион, превратившись в «пояс обороны»²¹. Наряду с ними новый город окружили резиденции и промышленные центры, внося собственную лепту в формирование северо-западного региона²².

Исторический регион, утвердившись единожды и исчезнув со временем, не пропадает бесследно. Его проявления дают о себе знать даже при полном перекраивании территорий в рамках новых административных границ. Чаще всего это проявляется, по-видимому, в хозяйственных и социальных связях, а также в форме исторической памяти.

Пример существования в памяти некогда утвердившихся исторических регионов наглядно просматривается в контексте событий Отечественной войны 1812 года. Укажем на некоторые из них.

Не во всем понятный сегодня выбор Наполеоном «старой столицы» как направления удара не являлся ошибочным или случайным. Именно Москва играла роль бесспорного, мощного и активно функционирующего исторического центра страны.

Удар в его направлении нарушал нормальную жизнь всего государства, уничтожал налаженное хозяйство в наиболее развитом в хозяйственном и торговом отношении регионе, приводил к массовым бедствиям и разорениям. Помимо стратегической цели (овладение ядром Российской империи) Наполеону удавалось решить ряд тактических задач. Так, базирование армии вблизи формировавшегося не менее половины тысячелетия главного общенационального узла дорог давало возможность направить последующие удары в разные части несговорчивого государства. В том числе к Санкт-Петербургу и на юг, к военному заводу Тулы, богатым краям Владимира и Ярославля или плодородным землям русского юга и Украины.

Кроме того, каким бы затасканным ни казалось утверждение об особом духовном статусе Москвы, но «первопрестольная» неизменно воспринималась русскими как исключительная по своему значению национальная святыня. Причем не только в речах доморощенных «ура-патриотов». По воспоминаниям очевидцев перед Бородиным вся русская армия пребывала в особом моральном настроении²³. Даже в эпоху отрицающей бога советской власти город являлся вполне осязаемым нравственным, почти религиозным символом, за который готовы были умирать. Кроме того, еще в конце XVIII в. произошло закрепление за Москвой официального статуса второй, «старой», столицы. Это придавало ей особую роль, породив «Императорский университет», «императорские театры» и прочие проявления столичной роли как в культурной, так и в материальной сфере (застройка, форма отношений и т. д.), которыми не могла похвастаться рядовая провинция. Роль, статус и возможности губернского крупного регионального и столичного центра создавали условия развития для города и его земли (как исторической, так и административной).

Наполеон понимал особое значение гибели Москвы, что могло подорвать способность народа к сопротивлению. Столичность делала эту потерю особенно ощутимой, что подталкивало власти к скорейшей капитуляции ради спасения материальных, культурных и духовных ценностей, тем более что французский император добивался не уничтожения России, а ее покорности в вопросах его внешней политики²⁴. В разговоре со своим адъютантом, состоявшемся в подмосковном Можайске, он скажет: «Мир ждет нас в Москве. Когда русские вельможи увидят, что мы – хозяева *их столицы* [выделено автором. – А. Б.], то они хорошенько задумаются»²⁵. И капитулянтские настроения среди политической элиты России летом–осенью 1812 г. действительно имели место²⁶.

Многие годы идут разговоры о целесообразности Бородинского сражения, не приведшего в итоге к незамедлительной победе в войне («после выигранных сражений столицы не сдают»²⁷). Не вдаваясь в тактические и геополитические аспекты, нельзя забывать, что ни один уважающий себя народ никогда не сдавал свои святыни без боя. В значительной степени в этом заключалось для русских значение Бородина. Роль сражения, сформулированная юным гением М.Ю. Лермонтова в первых строчках его одноименной поэмы, всем хорошо знакома. Но затушеванная многочисленными заучиваниями и повторениями, она потеряла изначальную емкость мысли и страшный в своей откровенности смысл: «недаром».

Таким образом, фраза, приписываемая Наполеону: «...если я возьму Москву, я возьму Россию за сердце», – не выглядит как бессмысленная лирика.

Другой аспект исторической региональности дал себя знать в форме проявления западных границ исторического центра России, как их понимали современники.

По наблюдениям современников Москва, на которую был направлен удар Великой армии и находившаяся поэтому в чрезвычайно опасном положении, на первом этапе была достаточно спокойна. Лишь неудачная попытка остановить противника в Смоленске привела к первым, причем не повсеместным паническим настроениям²⁸. Как писал непосредственный участник тех событий С.Н. Глинка: «Весть о занятии Смоленска Наполеоном... огромила Москву. Раздался по улицам и площадям гробовой голос жителей: “Отворены ворота в Москве!”»²⁹.

Именно Смоленск (или точнее будет сказать – Смоленская земля) традиционно обозначал рубеж военного проникновения. Дело не только в сильной крепости, тем более, что к началу XIX в. она утратила свое оборонительное значение. Причина реакции на падение города лежала скорее в исторической географии страны: Смоленщина много веков закрывала собой (в буквальном смысле) не только дорогу на Москву, но и вход внутрь расходящихся рукавов Волго-Окского междуречья. Преодоление этого рубежа могло означать неизбежный крах, так как противник проникал в наиболее освоенное пространство и тем самым наносил невосполнимый ущерб.

Неудачная попытка отразить неприятеля на прикрывающих старую столицу землях и отступление русской армии после Бородинского сражения (данного, к слову сказать, на административной границе Московской губернии), привели к массовому оставлению Москвы жителями. Так история и практика прорисовали размы-

тую линию границы Московской земли, лежащую где-то к востоку за Смоленском вплоть до административных рубежей Московской губернии.

Не только русские, но и их противники французы оценили наличие здесь негласной западной границы подмосковных уездов. Показательно, что уже после Бородинского боя, при взятии первого западного города Московской губернии Можайска, Наполеон наградил в нем своего маршала Нея титулом «князя Московского»³⁰.

Смоленск был важным рубежом и по освобождению страны от солдат «Великой» армии. В восприятии рядовых жителей русского центра изгнание противника за пределы России произошло не в декабре, а в октябре, т. е. в момент освобождения именно Смоленска, оставленного Наполеоном 1 ноября³¹ («и по прогнании неприятеля из российских границ в оном де октябре»³²). Показательно, что подобное восприятие пространства было присуще не единственному сообщению, а всем материалам, сохранившимся в бумагах дела³³.

Но даже не падение Смоленска стало обозначением того, что вторжение Наполеона уже достигло территории не западных окраин России, а собственно московской земли начала XIX в. Обозначением этого рубежа для москвичей стало отступление русских войск к Гжатску (17 августа). Не так давно этот город (будучи еще слободой) относился к Московской провинции. В 1776 г. в результате механических передвижек административной реформы Екатерины II он отошел к Смоленской губернии. Для обывателя 1812 г. Гжатск продолжал выступать крайней западной точкой бывшей Московской провинции, т. е. подразумевался как земля «подмосковная». Приближение к ней Великой армии автоматически означало, что большая война вступила на территорию края. Позже Ф.В. Ростопчин признает, что именно «прибытие нашей отступающей армии в Гжатск» послужило для него «сигналом к вывозу из Москвы всего, что должно быть оттуда увезено»³⁴.

Другой историко-региональный аспект, проявивший себя в «эпоху нам достопамятную», это южные границы края. Хорошо известно, что уводя армию к юго-западным окраинам Московской губернии, М.И. Кутузов преследовал цели, далекие от изучения исторических границ региона. В первую очередь его интересовал срыв планов Наполеона. Но парадоксально: Тарутинский маршманевр прошел по линии, повторяющей очертание южных пределов Московской земли, с той только разницей, что рубежом здесь выступила не Ока, а текущая параллельно ей и ближе отстоящая от Москвы Пахра. Завершился маршрут движения российских войск на границе Московской и Калужской губерний.

Почему при движении произошло повторение южной границы Московской земли XV–XVI вв.? Случайно ли это? Очевидно, что одной из главных целей главнокомандующего было закрыть противнику выход к Туле, Калуге, землям юга России и Белоруссии. Граница между ними и Москвой оформилась под влиянием Дикого поля, начинавшегося за Окой и покоренного окончательно только в XVIII в. после присоединения Россией Крыма. Не случайно Ока вплоть до начала XX столетия являлась южной административной границей Московской губернии, а распространение территории Московской области за ее пределы было вызвано особенностями процесса административного деления советского времени.

Выйдя к Калуге, российский главнокомандующий оставлял неприятелю уже занятые им земли, но нетронутые территории Заокского исторического края прикрыл от вторжения.

Особую роль при этом сыграл бой на территории Малоярославца, в предместьях Медыни, а также блокада дорог при Полотняном заводе. Хотя ожесточенное сражение за Малоярославец формально шло на территории Калужской губернии, город Малый Ярославец воспринимался современниками как часть «подмосковной» земли. Это поселение традиционно входило в состав Московской провинции и тяготело к Москве, а его перевод в состав Калужской губернии был неизбежной, но вынужденной мерой грубого административного деления Московской провинции Екатериной II.

Как видим, при изучении исторических реалий 1812 г. нельзя упускать из внимания фактор региона. Вопрос заключается не только в инфраструктуре (дороги, крепости, рынки). Большую роль играет наличие исторически сложившихся неадминистративных частей с их границами, внутренними связями, которые были не просто хорошо известны современникам, но являлись той средой, в которой протекала сама жизнь. Без учета этих фиксируемых сознанием, но далеко не всегда прописанных в официальных документах черт времени невозможно понять само это историческое время и, что наиболее важно, механизм поступков и взгляды жителей.

Яркий пример функционирования исторического региона дает современность. В частности, ситуация вокруг возвращения Крыма и Севастополя в состав России.

Севастополь, будучи старым устоявшимся городом, сам по себе является историческим регионом. Кроме того, его значение многократно усилено ролью российской военно-морской базы, оберегавшей беспокойные рубежи страны и державшей шаткую, слабо просматриваемую морскую границу. Таким образом, Севастополь более чем два века являлся ключевым военным оплотом южных

границ страны. Но даже если абстрагироваться от геополитического значения города-военно-морской базы, роль Севастополя как самостоятельной исторической единицы только возрастает. В исторической памяти он прочно закреплен за Россией: принятием и распространением православия (Херсонес), победами российского флота, славой русского оружия и жертвенностью жителей города во имя России. Так, в национальной памяти (несмотря на политические процессы и советского, и постсоветского времени) живо осознание того, что Севастополь на протяжении всего 150 лет дважды (а теперь уже и трижды) закрывал собой внутренние земли Российского государства, что в значительной степени позволило найти силы для их спасения. Сохранение у подавляющей часть жителей города устойчивого осознания своей особой связи с Россией порождено именно особой ролью Севастополя как исторического региона. То же можно сказать и по отношению ко всему Крымскому полуострову. С момента вхождения в состав России (вторая половина XVIII в.) и до волонтаристского решения о его передаче Украине (середина XX в.), т. е. на протяжении более полутора столетий, Крым являлся неотъемлемой частью территории Российского государства, вписанной в его структуры: экономику, политику, культуру, систему обороны и т. д. Кроме того, территория полуострова была освоена усилиями не только российских солдат и матросов, но и трудом всех российских граждан. Как показывают демографические исследования, выполненные за 11 лет до нынешней политической ситуации, представители так называемой великорусской народности были абсолютно преобладающей группой уже к началу XX в.³⁵

Как видим, все эти черты характеризуют Крым как естественный исторический регион России. В данном контексте вхождение этого исторического региона в состав Российской Федерации оправдано и не согласуется с западной трактовкой об усилении имперских амбиций Москвы.

Примечания

- ¹ *Шмидт С.О.* История, современное состояние и перспективы развития краеведения // Краеведение в России: История. Современное состояние. Перспективы развития: Материалы Всерос. семинара краеведов «Любовь к малой родине – источник любви к отчизне». Зарайск, 30 января 2004 г. М.: Москвоведение, 2004. С. 11.
- ² *Трубина Е.Г.* Город в теории. Опыт осмысления пространства. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 24.

- ³ *Лихачев Д.С.* Письма о добром и прекрасном. М.: Детская литература, 1985. С. 198, 200.
- ⁴ *Шмидт С.О.* Указ. соч. С. 12.
- ⁵ «Подлинное краеведение всегда и краелюбие» (Там же. С. 11).
- ⁶ Например: *Готье Ю.Г.* Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М.: Социально-экономическое издательство, 1937; *Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV – XVI век). М.: Наука, 1977; *Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и московская дума. М.: Новый хронограф: АИРО-XXI, 2010; *Репинецкий А.И. и др.* Демографический состав работников промышленности Поволжья: 1945–1965 гг. Самара: Изд-во Самарского гос. пед. ун-та, 1996; *Трепавлов В.В., Бекмаханова Н.Е., Гатагова Л.С., Марчуков А.В., Федосова Э.П.* Образы регионов в общественном сознании и культуре России (XVII–XIX вв.). Тула: Гриф и К, 2011; и др.
- ⁷ *Истомина Э.Г.* Европейский север: региональный подход // Российская история. 2009. № 3. С. 25; *Дулов А.В.* Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). М.: Наука, 1983. С. 4; и др.
- ⁸ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. 112.
- ⁹ Центральный исторический архив Москвы. Центр хранения документации до 1917 года (далее – ЦИАМ. ЦХД до 1917 г.). Ф. 880. Оп. 1. Д. 210. Л. 13–99.
- ¹⁰ *Клокман Ю.Р.* Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. М., 1967. С. 147.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 570. Л. I, 56.
- ¹² *Phythian-Adams Ch.* Desolation of a City: Coventry and the Urban Crisis of the Late Middle Ages. Cambridge, 1979; *Idem.* Introduction: an Agenda for English Local History // Societies, Cultures and Kinship. L.; N. Y., 1993. P. 4–23.
- ¹³ *Ле Руа Ладюри Э.* История регионов Франции: Периферийные регионы Франции от истоков до наших дней. М.: РОССПЭН, 2005.
- ¹⁴ *Ерусалимский Г.Б.* Регионы России: Краткий статистический справочник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2008. С. 3–6; *Чепалыга А.Л., Чепалыга Г.И.* Регионы России: Справочник. М.: Дашков и К°, 2004. С. 3; и др.
- ¹⁵ Достопримечательности Москвы, Подмосковья, Центральной России, достопримечательности России [Электронный ресурс]. URL: <http://fotowalker.narod.ru> (дата обращения: 12.01.2015); Город Псков // Достопримечательности Москвы, Подмосковья, Центральной России, достопримечательности России [Электронный ресурс]. URL: http://fotowalker.narod.ru/p_pskov.html (дата обращения: 12.01.2015); Кольцо по Центральной России, минуя Москву (август 2009 г.). Часть I. СПб – Псков – Смоленск // Автотуристу.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://avtotouristu.ru/blog/otchety/2828.html> (дата обращения: 12.01.2015).

- 16 *Чураков Д.О.* Полюса и краски социально-экономического обновления рубежа XIX–XX веков в промышленном центре России // Рабочие в России: исторический опыт и современное положение. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 145–146.
- 17 *Истомина Э.Г.* Водный транспорт России в дореформенный период (Историко-географическое исследование). М., 1991. С. 27.
- 18 РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 638. Л. 122 об.
- 19 *Истомина Э.Г.* Европейский север: региональный подход. С. 15–25.
- 20 *Лапто Г.М.* География городов: Учеб. пособие для геогр. ф-тов вузов. М.: ВЛАДОС, 1997. С. 409.
- 21 Там же. С. 282.
- 22 Там же.
- 23 *Глинка Ф.Н.* Описание Отечественной войны 1812 года до изгнания неприятеля из России // Письма русского офицера. М., 1990. С. 71, 208.
- 24 *Троицкий Н.А.* 1812. Великий год России. М., 1988. С. 30.
- 25 *Коленкур А. де.* Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 131–132.
- 26 *Высочков Л.В.* «Гроза двенадцатого года»: Отечественная война 1812 года и зарубежные походы 1813–1815 гг. СПб., 2011. С. 113.
- 27 *Бодер Д.И.* Все войны России. М.: Грамотей, 2011. С. 61.
- 28 *Корбелецкий Ф.* Краткое повествование о вторжении французов в Москву и о пребывании в оной. СПб., 1813. С. 10; Москва в 1812 году (исторический очерк). М., 1813. С. 65.
- 29 *Глинка С.Н.* Записки об 1812 годе Сергея Глинки, первого ратника московского ополчения. СПб., 1836. С. 38–39.
- 30 1812 год в Подмоскowie: Альбом. М.: МОК-Центр, 2002. С. 7.
- 31 *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 году. М.: Кучково поле; Союз семей военнослужащих, 2011. С. 298.
- 32 ЦИАМ. Ф. 20. Оп. 2. Д. 1545. Л. 69 об.
- 33 Там же. Л. 65 об., 77 об., 87 об.
- 34 *Ростопчин Ф.В.* Тысяча восемьсот двенадцатый год в Записках графа Ф.В. Ростопчина. Перевод с французской подлинной его рукописи // Русская старина. 1889. Т. LXIV. Вып. 12. С. 702.
- 35 *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX века (численность, размещение, этнический состав). М.: Издательский центр ИРИ РАН, 2003. С. 111.